

Д. Е. КАЗАНЦЕВ (Йошкар-Ола)

О РАЗНЫХ ТРАКТОВКАХ НЕКОТОРЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МАРИЙЦЕВ

Расшифровкой письменных источников о мари́йцах до настоящего времени языковеды по существу не занимались. Занимались этим в основном историки. Однако некоторые трактовки средневековых источников, данные ими, нуждаются в уточнениях. Имеются в виду прежде всего комментарии отдельных мест в «Казанской истории». В этом литературно-публицистическом произведении, написанном в 1564—1565 гг., особого внимания заслуживают два сообщения его автора, которые имеют важное значение для понимания средневековой истории мари́йцев и соседних с ними народов.

Сообщение первое: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения рускаго в болгарских жилищах» (Казанская история 1954 : 48).

«Ростовская чернь», под которой следует понимать ростовскую, или западную, группу мерян, укрылась «в болгарских жилищах» от начавшейся христианизации. Однако о том, являются ли «отяки» в «Казанской области» древними насельниками или пришельцами, подобно «ростовской черни», автор ничего не говорит. Попытки современных исследователей расшифровать слова «черемиса, зовемая отяки» дали противоположные результаты.

Г. Н. Айплатов рассматривал выражение «черемиса, зовемая отяки» без слова «ина», которое в тексте предшествует этнониму *черемиса*. Это привело его к убеждению, что под черемисами, кроме мари́йцев, должны подразумеваться удмурты (Айплатов 1967 : 114). К. И. Козлова, как и Г. Н. Айплатов, расшифровывает данное выражение без местоимения «ина» и пытается объяснить прошлые отношения между мари́йцами (прежде всего луговыми) и удмуртами, исходя из современной территории их расселения и ошибочного понимания русским летописцем мари́йского названия удмуртов (Козлова 1978 : 114—115). Вероятнее всего, средневековый историк в словах «ина черемиса, зовемая отяки» отразил этнические связи между мари́йцами и удмуртами в Казанском царстве, сложившиеся к XVI в. Однако он ничего не поведал об истории этих отношений.

В настоящее время установлено, что древнейшим населением северо-западной части современной Татарии были удмурты. Сохранились предания, что южнее Казани и в районе Арска когда-то жили удмуртские роды Дöкья, Зумья, Уча и Кибья (Атаманов 1982 : 90, 91, 93, 107—109, 114; Кельмаков 1982 : 135). В пределах Арской, Ногайской и Зюрейской дорог, которые приходятся на северо-западную часть Татарии, до сих пор встречаются названия деревень, связанные с родовыми именами удмуртов (Атаманов 1982 : 121). На их заказанской земле, как и во всем Ветлужско-Вятском междуречье (Казанцев 1985 : 95—100), постепенно расселились мари́йцы, проникшие, очевидно, из Костромского Поволжья. На такую вероятность указывает название реки *Ашит*, которое можно сопоставить с топонимом *Ошатнур* в Костромской губернии (Семенов 1891 : 240). На северо-западе Татарии известны и другие мари́йские местные названия с характерным суффиксом *-нар* (*-нер*, *-нгер*): *Кинер*, *Пизинер*, *Чиганар*,

Шишкенеер, Шинар, Тылангер (Серебренников 1957 : 46; Галкин 1967 : 209; Арсланов, Исанбаев 1984 : 105). Около селений с такими названиями до настоящего времени сохранились кладбища, которые местные татары называют *чирмеш зираты* 'марийские кладбища' (Юсупов 1971 : 219).

Когда марийцы проникли в северо-западную часть Татарии, сказать определенно нельзя, но можно высказать предположение. Известно, что из Яранского и Уржумского уездов удмурты под давлением марийцев отступили не позднее XIII в. (Смирнов 1890 : 16). Очевидно, к указанному времени относится расселение марийцев среди удмуртов в современной Татарии. На этом основании можно было бы заключить, что Борисковский могильник IX—XI вв. в устье Казанки едва ли является марийским (Архипов 1967 : 37; Халиков 1976 : 21). По вещевому материалу он не отличается существенно от синхронных памятников на Средней Вятке, рассмотренных как прадумуртские (Казанцев 1985 : 95—97).

В северо-западной части Татарии между местным и пришлым населением установились, очевидно, довольно близкие отношения. Например, в городе-крепости Арске, основанном удмуртами, как считается, в XIII в. (Кельмаков 1982 : 135), удмурты и марийцы жили вместе: «Той бо острог старый, Арск зовом... Князи же арския, и вся черемиса, седящая в нем, возопиша, и врата отверзоша...» (Казанская история 1954 : 132). Известно также, что в 1553 г. марийцы и удмурты на р. Меше в 70 верстах от Казани построили крепость для защиты от правительственных войск (Атаманов 1982 : 121).

После падения Казани удмуртские роды ушли из северо-западных районов Татарии. Часть удмуртов, оставшаяся в Заказанье, позднее отатарилась, приняв ислам (Атаманов 1982 : 121—122). Часть удмуртов Казанской земли могла смешаться с марийцами, что произошло до XVI в. Неслучайно казанский летописец «отяков» и «ростовскую чернь» называл «ина черемиса».

Сообщение второе: «Две бо черемисы в Казанской области, — пишет этот автор, — а языка их три, 4 язык варварский, той владеюще ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наречет луговая... В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дикий» (Казанская история 1954 : 86).

Первая трактовка этого отрывка, насколько нам известно, принадлежит М. Н. Тихомирову (1950 : 100), однако нельзя не заметить, что содержание его и трактовка М. Н. Тихомировым не совсем совпадают. Примерно сходная трактовка соответствующего места «Казанской истории» имеется у Г. Н. Айплатова, считавшего «горную черемису» собирательным названием чувашей и горных марийцев (1967 : 141). Однако его мнение, позднее поддержанное К. И. Козловой (1978 : 114), и последующее уточнение о том, что в письменных памятниках XVI—XVIII вв. «под «горными черемисами» Курмышского, Свияжского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского и восточной части Козьмодемьянского уезда и правобережной части Кокшайского уезда следует подразумевать чувашей, а западной части Козьмодемьянского уезда — горных марийцев...» (Айплатов 1967 : 142) не соответствуют словам казанского историка «...едина убо черемиса об сю страну Волги сидит...» и целиком основаны на предвзятой трактовке В. Д. Дмитриевым слова *черемис* (1964 : 118—132). В. Д. Дмитриев пытался распространить факт смешения чувашей и марийцев, известный в первых русских источниках, на XVI—XVIII вв. для отрицания присутствия марийцев на современной территории расселения чувашей, не считаясь с тем, что в правобережных уездах документы того периода упоминают черемис наряду с чувашами (Перетяткович 1882 : 28, 39; Смирнов 1889 : 37; Никольский 1919 : 418, 426; Тихомиров 1962 : 417, 480; Романов 1958 : 156, 204; Козлова 1978 : 96—97). Это должно означать, что территория расселения марийцев на правом берегу Волги в XVI—XVIII вв. была достаточно обширной и не ограничивалась пределами современного Горномарийского района. В последнее время аналогичное мнение было высказано в книге «Из истории мари» (Макаров 1959 : 74—75) и «Очерках истории Марийской АССР» (1965 : 114—

115), подвергнутых критике Г. Н. Айплатовым (1967 : 143). Топонимы с детерминативами *-анар (-енер)*, *-нар (-нер)*, *-мара (-мере)*, *-ваш (-вӑш)* и другие (Федотов 1970 : 131—134), сохранившиеся на территории бывших Курмышского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов, дополняют сообщения письменных источников о пребывании там черемис, под которыми следует понимать марийцев. В основном это были, по-видимому, горные марийцы. Значительная часть их постепенно вошла в состав верховых чувашей. Не исключено, что в начале этноязыкового взаимодействия большинство верховых чувашей было двуязычным. Кроме болгарского языка, они могли знать горное наречие марийского языка. Марийский язык знали не только болгары, но и татары. Об этом свидетельствуют следующие слова казанского историка. «Живяху же за Камою рекою, в части земля своєю, болгарские князи и варвари, владеюще поганым языком черемиским» (Казанская история 1954 : 44).

Требует уточнения выражение «луговая черемиса», встречающееся в «Казанской истории». До сих пор оно не получило однозначного толкования. М. Н. Тихомиров и Г. Н. Айплатов, как отмечено выше, в состав «луговой черемисы» включали удмуртов и луговых марийцев, хотя текст не дает повода для такого утверждения. Поэтому мы считаем, что К. И. Козлова вполне оправданно исключила удмуртов из состава «луговой черемисы». На основании сообщения А. Курбского о «луговой, казанской черемисе» к «луговой черемисе» она отнесла приказанских марийцев лишь Галицкой дороги (1978 : 116). Это положение, однако, не совсем согласуется со словами того же А. Курбского: «... бо тот Черемисский язык не мал есть...». Судя по всему, автор «Казанской истории» в состав «луговой черемисы» включал приказанских марийцев не только Галицкой, но и Алатской и Арской дорог. От луговых марийцев Галицкой, Алатской и Арской дорог автором «Казанской истории» отделены марийцы, жившие также на луговой стороне в бассейнах Ветлуги и Кокшаги. Летописец называл их ветлужскими и кокшаскими, в которых К. И. Козлова не без оснований видит предков северо-западных марийцев (1978 : 114—115).

Если отказаться от современной трактовки этнонима *черемис* и подразумевать под ним только марийцев, то сообщение казанского историка может быть трактовано следующим образом. В Казанской области две группы марийцев. А языков у них три. Четвертый народ чужой, который владеет этими языками. Одна группа живет по правую сторону Волги. Это горные марийцы. Другая же группа марийцев живет по другую сторону Волги. Они называются луговыми. На луговой стороне живут ветлужские и кокшайские марийцы. Автор «Казанской истории» употребил слово *язык* в значении 'диалект'. Скорее всего XVI столетие в марийской истории составляет раннефеодальную эпоху, когда связи между диалектными объединениями, которые образовались в результате распада союза правобережных племен (Казанцев 1985 : 40—57), были очень слабыми. Связи между локальными группами марийцев усилились и приобрели постоянно действующий характер лишь после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Это привело к образованию марийской народности.

ЛИТЕРАТУРА

- Айплатов Г. Н. 1967, Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVIII вв. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола.
 Арсланов Л. Ш., Исанбаев Н. И. 1984, К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке. — СФУ, 104—114.
 Архипов Г. А. 1967, Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.). — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола.
 Атаманов М. Г. 1982, Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск.
 Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола.
 Дмитриев В. Д. 1964, О значении этнонима «черемисы» в русских и западно-европейских источниках XVI — начала XVIII вв. — Ученые записки ЧувНИИ, вып. 27, Чебоксары.

- Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Монсеевой. Под редакцией В. П. Андриановой-Перетц, Москва—Ленинград 1954.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола.
- Кельмаков В. К. 1982, К истории удмуртов правобережья Вятки. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск.
- Козлова К. И. 1978, Очерки этнической истории марийского народа, Изд-во Московского университета, Москва.
- Макаров Д. М. 1959, Из истории мари, Йошкар-Ола.
- Никольский Н. В. 1919, Сборник исторических материалов о народностях Поволжья, Казань.
- Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции), Йошкар-Ола 1965.
- Перетяткович Г. 1882, Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края), Одесса.
- Романов Н. Р. 1958, Чувашия в XVII веке. Участие чувашского народа в крестьянской войне под водительством С. Т. Разина. — Материалы по истории Чувашской АССР, Чебоксары.
- Семенов Т. С. 1891, К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. — Труды VII Археологического съезда в Ярославле 1887 г., т. II, Москва.
- Серебренников Б. А. 1957, Происхождение чуваш по данным языка. — О происхождении чувашского народа, Чебоксары.
- Смирнов И. Н. 1889, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань.
- 1890, Вотяки (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. VIII, вып. 2), Казань.
- Тихомиров М. Н. 1950, Присоединение Чувашии к Русскому государству. — Советская этнография, № 3.
- 1962, Россия в XVI столетии, Москва.
- Федотов М. Р. 1970, Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии. — СФУ VI, 127—135.
- Халиков А. Х. 1976, Об этнических основах марийского народа. — Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае, Йошкар-Ола.
- Юсупов Г. В. 1971, Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань.